

УДК 300.52.300.54

А. А. Панков, канд. соц. наук, доц., докторант
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра социологии
Ул. Ген. Бочарова, 34, кв. 31, Одесса, 65111, Украина
Тел. 56-07-80, e-mail: pankova_L@ukr.net

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена анализу особенностей интерпретации феномена социального в творчестве Ф. Достоевского. Связывая социальные противоречия с противоречиями внутренней жизни человека, Ф. Достоевский пришёл к выводу о необходимости взаимодополняющего сочетания социологического и метафизического методов в постижении этой жизни, а значит, и во многом обусловленных ею социальных реалий.

Ключевые слова: метафизика, социал-демократия, социальный персонализм, христианство

В основе статьи лежит доклад научной конференции “Ф. М. Достоевский и духовная культура: проблемы современной интерпретации”, проходившей в г. Одессе 28-29 сентября 2001 года. И хотя этот доклад не был в то время представлен к публикации, мысли, изложенные в нём, как нам представляется, нисколько не утратили своего значения. Более того, по нашему мнению, в последнее время они особенно актуализированы. Следует оговориться, что целью настоящей статьи не является попытка поставить Ф. М. Достоевского в ряд социологов. Конечно же, Ф. М. Достоевский не был социологом. Особенно если понимать социологию в том узкосхоластическом толковании, которое, похоже, окончательно утвердилось в современном научном сознании. Вслед за А. А. Галактионовым и П. Ф. Никандровым, писавшими о том, что “по-видимому, нет никаких оснований утверждать, что когда-либо Достоевский проявлял специальный интерес к философии и что его можно инвариантно отнести к последователям определённой школы или мыслителя. Но, с другой стороны, очевидно, что он был достаточно ориентирован в теоретических проблемах, составлявших предмет увлечения и противоборства различных направлений русской интеллигенции” [1, с. 440], мы можем всё то же самое сказать и об отношении Ф. М. Достоевского к совсем молодой тогда науке — социологии. Следует отметить и то, что один из наиболее страстных последователей Ф. М. Достоевского — Н. А. Бердяев говорил о том, что “глубоко поставлен у Ф. М. Достоевского лишь вопрос о человеке. Вопрос об обществе и государстве у него ставится не очень оригинально” [2, с. 63]. И, тем не менее, современная социология нуждается в Ф. М. Достоевском, как нуждается она и в самом на Бердяеве, и в В. С. Соловьёве, и в С. Л. Франке, и в

русской религиозно-философской традиции в целом, а если точнее, — в той метафизике, которая представлена в этой традиции. Анализ необходимости взаимосвязи метафизики и социологии является одной из основных задач данной статьи.

Следует отметить, что Ф. М. Достоевский в известном смысле — наш современник. Ведь он, так же как и мы, жил в переходную эпоху, давшую начало множеству неординарных, противоречивых событий, требующих своего осмысления. Ф. М. Достоевский реагировал на эти события как издатель журналов “Время” и “Эпоха”, как журналист, как автор “Дневника писателя”. Наконец, ряд героев его романов оказывается “стихийными социологами”, остро интересующимися общественными проблемами и обладающими способностью восходить от частных случаев к обобщениям и выводам. Как справедливо отмечает В. А. Бачинин, “Достоевский наделил своих героев тем, чем сам обладал с избытком — заинтересованным вниманием к “живой жизни” [3, с. 95].

Действительно, Ф. М. Достоевский сам был “стихийным социологом” и достаточно часто снабжал свои журналистские выступления социологическими зарисовками, а также, пусть и неосознанно, но использовал в своих художественных произведениях определённые социологические методы. В основе его т. н. “криминальных романов” лежали, как правило, социальные факты, почерпнутые либо из газет (можно сказать, что писатель применял контент-анализ, внимательно выискивая такие факты), либо узнанные из непосредственного общения с людьми, которое имело особое значение для Ф. М. Достоевского (в данном случае можно говорить об использовании им метода интервью). Разумеется, интерес Ф. М. Достоевского к криминальной проблематике обусловлен его личными жизненными обстоятельствами. Ведь, как известно, он несколько лет провёл в остроге рядом с каторжниками, до этого чудом избежав смертной казни. Эту ситуацию вполне можно назвать “включённым наблюдением”. Впрочем, правильнее эту ситуацию в жизни Ф. М. Достоевского следовало бы назвать психологической травмой. Несколько лет назад на очередных “Харьковских социологических чтениях” автору данной статьи довелось услышать доклад психолога, утверждавшего, что научный интерес социологов к той или иной социальной проблеме обусловлен, прежде всего, их личностными психологическими проблемами и попытками эти проблемы “снять”. В отношении Ф. М. Достоевского это утверждение абсолютно верно. Последствия своей психологической травмы Ф. М. Достоевский пытался преодолеть всю оставшуюся жизнь.

Ф. М. Достоевский не только и даже не столько анализировал нравы каторги, типологизировал преступников (что является вполне социологической задачей), сколько пытался выявить первопричину криминального поведения. Такой первопричиной, по мнению Ф. М. Достоевского, явилось резкое падение нравов, связанное с тем, что после реформы 1861 года Россия вошла в полосу необходимых, но крайне болезненных социальных перемен. Подобные перемены, как показал несколько позже Э. Дюркгейм, сопровож-

даются социальной аномией — разрушением прежней ценностно-нормативной системы и отсутствием новой. В такой ситуации, в свою очередь, резко возрастает суицидальное поведение, которое также крайне интересовало Ф. М. Достоевского — практически в каждом его произведении мы сталкиваемся со случаем самоубийства. Можно сказать, что, рассматривая в качестве первоосновы определённых типов социального поведения нравственность, Ф. М. Достоевский становится на позиции идеологического детерминизма. “Трактовка социальных явлений как несущих определённый объективный смысл или идею была свойственна русской социальной философии практически с момента её зарождения” [4, с. 62]. Ф. М. Достоевский лишь придал этой трактовке особую остроту. Можно также сказать, что благодаря такой трактовке социальных явлений Ф. М. Достоевский становится в ряд представителей т. н. “понимающей социологии”, стремящейся изучать субъективный смысл, вкладываемый в то или иное социальное действие действующим субъектом. Разумеется, принципы “понимающей социологии”, связанной в первую очередь с именем М. Вебера, были сформулированы много позже того времени, когда жил и писал Ф. М. Достоевский, но со многими из этих принципов, как нам представляется, Ф. М. Достоевский вполне согласился бы.

Но с чем бы, несомненно, не согласился Ф. М. Достоевский в социологической концепции М. Вебера — это с требованием непредвзятости в науке. Любой учёный, занимающийся социальной или гуманитарной проблематикой, в логике рассуждений Ф. Достоевского обязан быть предвзятым. Предвзятый учёный, по такой логике, нечестный учёный. Предвзятость эта заключается в правдоискательстве. Правдоискательство или, по словам Н. А. Бердяева, “жажда абсолютной правды”, было характернейшей “предвзятостью” русской гуманитарной мысли, важнейшей составляющей которой была и социальная мысль. Куда уж больше предвзятости: “Я мира Божьего не принимаю”. Вершина русского правдоискательства — Фёдор Достоевский, вне влияния которого были бы невозможны ни названные выше В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, ни русская религиозно-философская и литературная традиция “серебряного века” в целом, ни, наконец, русская социальная мысль, предельно точно передал в своих художественных произведениях то напряжение, которое характеризовало отечественную мысль и постоянно стимулировало её развитие, поскольку постоянно существовал и источник этого напряжения — разрыв между русской действительностью и русской мечтой. Русская действительность — “бесчестье и нечеловеческая пошлость”, связанные, по словам всё того же Н. А. Бердяева, “с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека”; русская действительность — насилие над личностью и страдание человека (как писал Н. А. Бердяев, “нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам”). Русская мечта, русская идея — спасение человека, утверждение образа человеческой личности. Самое печальное то, что в данном отноше-

нии, со времен Ф. М. Достоевского и его последователя — Н. А. Бердяева, мало что изменилось. Ну, разве что, появилась необходимость объяснить, что всё вышесказанное мы относим не только к жизни, как теперь принято говорить “нашего северного соседа”, но и к украинской действительности. И потому некоторые из императивов, выработанных русской гуманитарно-социальной мыслью, вполне приложимы к этой действительности. Тем более, что многие представители русской религиозно-философской и литературной традиции (например, Н. А. Бердяев, Лев Шестов, о. Сергей Булгаков, М. А. Булгаков) относятся к т. н. “киевскому философскому кругу”. Да и у самого Ф. М. Достоевского, кстати говоря, есть украинские и даже греко-католические корни. Необходимо также сказать и о том, что “жажда абсолютной правды” имеет в результате своего “утоления” весьма противоречивые результаты.

С одной стороны, русская религиозно-философская традиция выработала такое понимание личности, которое позволяло органически сочетать в себе идею творческой свободы человека и его высочайшую нравственную ответственность, которое стремилось преодолеть подавление социумом свободы личности и ответное противопоставление человека социуму, утверждало их “общее дело” в контексте социального персонализма. Социальный персонализм призывал одновременно к внутреннему обновлению человека и обновлению социальному. Замечательный русский философ о. Сергей Булгаков, говоря о социальном персонализме, отмечал, что речь идёт о новом лике христианства общественного.

С другой стороны, Ф. М. Достоевский считал, что это понимание личности необходимо противопоставить понятию индивидуалистического гуманизма, якобы вышедшему из западноевропейской традиции (справедливо ради следует отметить, что и автор данной статьи некоторое время разделял подобную точку зрения [5, с. 42]). В этом вопросе, как, впрочем, и в целом ряде других (например, в своём отношении к католицизму), Ф. М. Достоевский в своём поиске “абсолютной правды” договорился до неправды. И произошло это потому, что просто Ф. М. Достоевский не мог себе позволить любование историческим многоцветьем, занимаясь постоянным морализаторством, постоянной оценкой — добро или зло, правда или ложь, нравственно или безнравственно. И пользуясь при объяснении действительности некими схемами или, говоря языком социологическим, “идеальными типами”, отбрасывая всё, что, по его мнению, не подпадает под определение добра, правды и нравственности. Но в результате, по словам В. В. Розанова, у Ф. М. Достоевского всё начинается с “великих примирений; но они идут по сгибающейся параболе — и всё кончается великими разъединениями. Всем раскрываются объятья, а в заключение все выталкиваются. Начинается с бесконечного расширения — кончается бесконечной удушливой суженностью” [6, с. 72]. Именно так и были разъединены русская и западноевропейская культурные традиции. В действительности же “русская культура всегда была по своему типу европейской культурой” [7, с. 10], а русская философия всегда самым тесным образом была

встроена в европейский интеллектуальный контекст и отсюда “то странное то ли совпадение, то ли предвосхищение философских достижений, казалось бы, иных философских традиций” [8, с. 55].

Одним из таких совпадений в русской и европейской культурной традициях был социальный персонализм. Если точнее, со стороны русской философской традиции это было предвосхищение, поскольку на Западе он сформировался всё-таки несколько позже. И с тех пор, как русская религиозно-философская традиция осознала высшей ценностью личность, всё, что бы ни происходило в истории, оценивалось представителями этой традиции как подавление либо высвобождение личности, как правда или ложь по отношению к человеческому образу. Собственно, правда — в самой человеческой личности. Всё остальное — либо оправдано перед ней, либо является ложью по отношению к ней. В. В. Розанов писал об этой лжи: “Её происхождение всё в истории, происхождение же правды в самом человеке”.

Оттого и глубоко у Ф. М. Достоевского поставлен лишь вопрос о человеке. В ущерб вопросу об обществе и государстве. Да что там общество и государство! Оттого и исступлённая максима о неприятии даже мира Божьего, если в нём нарушается главный закон развития, т. е. человек из цели превращается в средство, а “цель — это учреждения, сложность общественных отношений, цвет наук и искусств, мощь промышленности и торговли. Всё это неудержимо растёт, и никогда не придёт на мысль бедному человеку хоть когда-нибудь не дать переступить через себя всему этому, не лечь перед торжествующею колесницею Ваала и не обрызгать колёс её кровью”. Так писал В. В. Розанов, являвшийся, несмотря на критику Ф. М. Достоевского, его непосредственным последователем.

Русская религиозно-философская традиция, вслед за Ф. М. Достоевским поставившая “проклятый вопрос” о неприятии мира Божьего, сама же на него и ответила. Победить “бесчестье и нечеловеческую пошлость” можно, как писал Д. М. Мережковский, только “религиозным благородством”, со-творческой свободой, т. е. волеизъявлением человека, соотнесенным с Высшим Началом. В этой соотнесённости человек обладает возможностью творить, создавать нечто новое в себе и в своей истории. Обновлённый человек в истории — надежда того, что история ещё может стать удачей. Здесь следует вспомнить слова В. С. Соловьёва, который в чём-то был единомышленником, а в чём-то (в частности, в отношении к западноевропейской культуре) — оппонентом Ф. М. Достоевского, оценившего новую русскую историю как “трагическую неудачу”. Сходным образом оценивал русскую историю и П. Я. Чаадаев, являвшийся “одновременно предтечей и западничества (на наш взгляд, в наиболее глубоком и достойном его варианте), и славянофильства или почвенничества” [9, с. 58].

В русской религиозно-философской традиции, начиная с Ф. М. Достоевского, можно также обнаружить небезынтeресную, хотя и не во всём справедливую точку зрения на социализм. Имея в виду в качестве критерия оценки социализма “христианскую правду”, о которой было сказано выше, Н. А. Бердяев утверждал, что “христиане могут совершать оценку относи-

тельных форм общества. Они должны оценивать более высоко те относительные формы общества, в которых свобода духа и достоинство человеческого лица побеждают рабство и уничтожение человека человеком. Если христианство отвергает соблазн рая на земле, то это не значит, что оно хочет ада на земле, как более соответствующего греховности человеческой природы”. И далее: “Наша христианская совесть должна осуждать не только личный, но и социальный грех и стремиться к его искуплению. Неискупленный социальный грех ведёт к катастрофам”.

Уточняя позицию русских философов в отношении понятия “искупление социального греха”, С. Л. Франк писал о том, что для социализма, в его отличие от христианства, социальная неправда — единственный источник всякого зла в мире, и потому единственное и достаточное средство для его устранения есть преобразование общественного порядка. В социалистическом умонастроении, по мнению С. Л. Франка, ответственность за царящее в человеческих отношениях зло снимается с человеческой личности, перестаёт быть делом человеческой совести. Этот упрёк Ф. М. Достоевский и его последователи могли бы адресовать не только социализму (и, пожалуй, всё-таки не столько ему, поскольку социализм, если уж всерьёз его анализировать, имеет вполне христианские истоки), сколько вообще проектам социального преобразования, не учитывающим “человеческий фактор”. Если бы Ф. М. Достоевский мог увидеть эволюцию и состояние современной западной социал-демократии (испытавшей значительное влияние как раз социального персонализма), он бы наверняка несколько по-другому отнесся к идее социализма. Хотя и современная социал-демократия вряд ли бы до конца устроила представителей русской религиозно-философской традиции. Не стоит забывать о том, что очень многие из них начинали свою интеллектуальную деятельность как представители русской социал-демократии или “легального марксизма” (к таковым относились и Н. А. Бердяев, и С. Л. Франк, и П. Б. Сруве — автор первой программы Российской социал-демократической рабочей партии, и С. Н. Булгаков — будущий о. Сергей Булгаков).

Как писал, рассматривая проблему социологического истолкования героев Ф. М. Достоевского, Н. О. Лосский, “поскольку зло в человеческой жизни обусловлено глубочайшими свойствами человеческой личности, оно не может быть устранено никакими изменениями общественного строя. Из этого, однако, вовсе не вытекает, будто не следует бороться за социальную справедливость и не следует устранять те специальные виды зла, которые коренятся в данном общественном строе. Нужно только помнить, что идеал абсолютного добра в земных условиях недостижим и новые формы общественной жизни, которые удастся выработать будущим поколениям, внесут лишь частичные улучшения некоторых сторон существования и, может быть, вместе с тем породят какие-нибудь новые проявления зла” [10, с. 204]. Частичные улучшения некоторых сторон человеческого существования и стремление к справедливому общественному устройству никак не могли устроить Ф. М. Достоевского и его последователей. Они были

неприемлимы для русского религиозного философствования, взыскавшего общества милосердного и на меньшее не согласного. Для этого типа философствования идея воплощения справедливости представлялась нереальной (“И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять своё счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв — остаться навеки счастливыми”). И всё же современная социал-демократия значительно прогрессировала в своём развитии в том направлении, которое могло бы в той или иной степени устроить представителей русской религиозно-философской традиции. Она стала антропоцентричной (как, собственно, и христианство) и в настоящее время прямо провозглашает, что для неё нет более важной задачи, чем человек. В этом смысле она близка христианско-демократическому движению и в связи с этой близостью мы уже писали о перспективах сотрудничества социал-демократических и христианско-демократических движений [11, с. 49].

В заключение следует сказать о том, что ответом на проблему проникновения в глубинную суть социального бытия, непосредственно связанную с противоречиями внутренней жизни человека, стало осознание Ф. М. Достоевским необходимости сочетания социологического и метафизического методов в постижении этой жизни, а значит и социальных реалий, во многом обусловленных ею. Ф. М. Достоевский вполне осознавал ограниченность познавательных возможностей явно привлекавшей его молодой социологической науки. В то же время, “метафизика стремится убедить разум в существовании вечного и абсолютного, в том, что в социальных фактах присутствует нечто, выходящее за их пределы и вообще за пределы рассудочного понимания” [12, с. 102]. Поэтому для него и была очевидна необходимость во взаимодополняемости социологии и метафизики. Нам же ещё только предстоит осознать всю методологическую глубину подобного взаимодополнения. Впрочем, это осознание уже началось. Ведь не случайно же современные социологи всё чаще в поисках ответов на вопросы социальной теории и практики обращаются к наследию русской религиозно-философской традиции и, в том числе, к наследию Ф. М. Достоевского.

Литература

1. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX — XIX вв. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. — 744 с.
2. Бердяев Н. А. Откровение человека в творчестве Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 54-75.
3. Бачинин В. А. Социология и метафизика в творчестве Ф. М. Достоевского // Социологические исследования. — 2000. — № 3. — С. 94-103.
4. Матвеева Н. Ю. Методология социального познания в русской религиозной философии // Социологические исследования. — 2004. — № 1. — С. 61-69.
5. Панков А. А. Проблема философии как “духовного делания” в русской религиозной мысли // Роль гуманизации образования в развитии духовной культуры личности // Тезисы региональной межвузовской конференции. 7-10 июня 1990 г. — Томск, 1990. — С. 42-43.

6. Розанов В. В. Размолвка между Достоевским и Соловьёвым // Наше наследие. — 1991. — № VI(24). — С. 70-72.
7. Лихачёв Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. — 1991. — № VI(24). — С. 15-16.
8. Панков А. А. К вопросу о взаимоотношении западной и русской философий // Тезисы докладов и выступлений Всероссийской научной конференции “Русская философия: преемственность и роль в современном мире. — Ч. 2. — С-Пб., 1992. — С. 53-55.
9. Панков А. А. Диалогичность истории философии и христианской социологии // Перспективы. — № 1(29). — Одесса, 2005. — С. 58-62.
10. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. — М.: Республика, 1994. — 432 с.
11. Панков А. А. К вопросу о политической перспективе христианско-демократического движения в советском обществе // Общественное сознание и идеологическая работа // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции. — Ч. I. — Кострома, 1990. — С. 48-49.
12. Бачинин В. А. Социология и метафизика в творчестве Ф. М. Достоевского // Социологические исследования. — 2000. — №3. — С. 94-103.

О. А. Панков

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра социологии
к. 40, Французский бульвар 24/26, Одеса, Украина, 65058

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО В ИНТЕРПРЕТАЦІІ Ф. М. ДОСТОЄВСЬКОГО

Резюме

Стаття присвячена аналізу особливостей інтерпретації феномена соціального у творчості Ф. М. Достоевського. Пов'язуючи соціальні протиріччя з протиріччями внутрішнього життя людини, Ф. М. Достоевський дійшов висновку про необхідність взаємодоповнюючого сполучення соціологічного та метафізичного методів у розумінні людського життя та соціальних реалій.

Ключові слова: метафізика, соціал-демократія, соціальний персоналізм, християнство

A. A. Pankov

I. I. Mechnikov National University, Institute of Social Sciences,
Department of Sociology
r. 40, French Boulevard 24/26, Odessa, Ukraine 65058

THE PHENOMENON OF SOCIAL AS INTERPRETED BY F. M. DOSTOEVSKIY

Summary

The article is about the peculiarities of interpreting the phenomenon of social in Dostoevskiy's works. Connecting social contradictions with internal human contradictions Dostoevskiy came to the conclusion that combination of sociological and metaphysical methods is necessary in comprehension of the life and the social reality.

Key words: metaphysics, social democracy, social personalizm, Christianity